

Юлия Язикова

История слова "озорной" в современном русском литературном языке

Studia Rossica Posnaniensia 4, 131-138

1973

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЮЛИЯ ЯЗИКОВА

Горький

ИСТОРИЯ СЛОВА *ОЗОРНОЙ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Различия в семантико-стилистической характеристике слова, которые обнаруживаются при сопоставлении толковых словарей одной эпохи, принято считать свидетельством ошибок и субъективизма лексикографов. Нередко такое суждение бывает справедливым, однако далеко не всегда. Мы рассмотрим случай, когда различия в описании слова служат показателем динамики его развития.

Обратимся к словарной статье „озорной” в *Толковом словаре русского языка* под редакцией профессора Д. Н. Ушакова (в дальнейшем — СУ), в *Словаре русского языка* С. И. Ожегова (СО), *Словаре современного русского литературного языка* (БАС) и *Словаре русского языка* в четырех томах (МАС). Обращает на себя внимание большое число разногласий: слово рассматривается то как однозначное, то так многозначное (в СО слово описано как однозначное, СУ и БАС выделяют в нем значение и оттенок значения, МАС выделяет два значения, причем одно из них имеет при себе два оттенка). Не совпадают и формулировки значений: СУ, СО и БАС определяют его через существительное „озорство”¹, тогда как МАС дает более развернутое описание, причем, с одной стороны, слово синонимично словам „скандальный”, „буйный”, а с другой, — обозначает склонность к шалостям, баловству или лукавству².

Различия наблюдаются и в стилистической характеристике слова. СО не дает никаких помет, т.е. рассматривает слово как стилистически нейтральное, СУ считает слово разговорным, а МАС одно из значений считает разговорным, а другое — просторечным.

Относительное единство в осмыслении этими словарями названных помет и параллелизм в стилистической характеристике родственных слов заставляют

---

¹ СУ и БАС, полностью солидаризируясь, толкуют значение слова так: „склонный к озорству”, а оттенок значения — „исполненный озорства, выражающий озорство”, тогда как СО слегка видоизменяет формулировку — „склонный к озорству, полный озорства”.

² Ср.: 1. Разг. Склонный к шалостям, баловству. || Исполненный озорства. || Выражающий задор, лукавство, готовность к озорству. 2. Прост. Склонный к озорству (во 2 знач.); скандальный, буйный”.

нас предположить, что мы имеем дело не с разнобоем оценок, а с отражением каких-то языковых явлений. Поэтому проанализируем факты³.

Оценочный характер значения слова часто делает его употребление семантически неопределенным. Например, в контексте типа „мелодии озорные, лирические, пародийные, маршевые, лихие и наивные” („Комсомольская правда” 1971). Какое из качеств имеется в виду? Ведь слово „озорной” может иметь разные синонимы, от „лукавого” до „циничного” и „непристойного”. Поэтому возникает необходимость обращаться к непривычно большим контекстам или описывать ситуацию (так значение прилагательного в заголовке статьи М. Константиновского *Озорные знаки препинания* разъясняется содержанием статьи), приходится учитывать другие случаи употребления автором этого слова, или аналогичные синонимические ситуации, но анализ обычно облегчается такими элементами текста, как наличие синонимов и антонимов, значение определяемого слова и проч. И все-таки известная доля неопределенности может оставаться. Даже реконструкция системы употребления слова одним автором не всегда помогает: писатель в силу разных причин придает „озорному” различный смысл. Кроме того, автор может сознательно использовать семантическую расплывчатость слова, особенно в заголовках (ср.: „Озорные частушки” Р. Щедрина). Все это необходимо учитывать, обращаясь к анализу материала.

В семантике слова „озорной” ведущее место принадлежит характеристике личности и соответственно — поведения. Если учитывать словоупотребление XIX и XX вв. в совокупности, то „озорной” называет очень различные качества — от ‘шаловливо-проказливый, свойственный детям’ до ‘грубовато-циничный’ или ‘склонный к буйству, бесчинству’. Сошлемся на примеры: „Зрители полюбили меня маленькой, *озорной* и милой девчонкой” („Программы радио и телевидения” 1970), „Маленькая *озорная* ‘Лазя’ выросла в Тамару Лазарович” („Неделя”, 1970), „Сатиры Баркова — не плод случайной шалости *озорного* поэта” (Г. Макогоненко, Русская литература XVIII века), „На что казаки *озорной* народ, а не топчут мужицкую ниву” (С. Злобин, Степан Разин. К), „Народ у меня *озорной*, разбойник народ” (А. Мельников-Печерский, Старые годы. К).

Приведенные примеры неоднородны с точки зрения их типичности для узуса нашего времени: два последних воспринимаются как выходящие за рамки норм литературного языка. У современных писателей или публицистов подобное словоупотребление можно встретить лишь в стилизованной речи. Соотнесенность слов группы „озорной” — „озорничать” в первую очередь с синонимами, обозначающими буйство, наглость, самоволие, драки и т.п., в *Толковом*

³ В статье использованы материалы Большой картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР (в тексте отмечаются буквой К) и собранные автором факты употребления слова в современном языке. Купюры в тексте отмечаются знаком — —.

словаре живого великорусского языка В. И. Даля⁴ вызывает удивление и недоумение современного читателя. В наше время „озорной” характеризует по преимуществу детей, в нем ощутима близость словам „шаловливый”, „проказливый”, поэтому оно применимо и к взрослым, чье поведение не выходит за рамки безобидных шуток. Аналогичное значение имеет „озорной” в отношении к поступкам людей, произведениям искусства и проч. Данное в *Уголовном кодексе РСФСР* двадцатых годов определение хулиганства как „озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия” (К) противоречит узусу 60-70 годов, где „хулиганство” и „озорство” обычно противопоставлены. Ср. например: „В Гринвич Вилледже — этом Монмартре Нью-Йорка — на картинах, плакатах мы видели бунт хиппи против морали, политики буржуазного общества. Порой остроумно-озорной, чаще издевательски-хулиганский („Неделя” 1970).

„Озорной” может употребляться в значении ‘эротический, содержащий непристойности, неприличный’, например: „[Пушкин] в известной мере, изменял ее [поэмы *Руслан и Людмила*] первоначальный характер, смягчая и уничтожая наиболее нескромные в эротическом отношении места. — Таким образом, позднейший текст этой молодой — озорной поэмы — не дает представления о подлинном характере вещи и несколько искажает ее замысел” (С. Бонди, *Рукописи Пушкина*). В данном тексте показательны „отчуждающие” кавычки, они говорят нам, что для автора слово не совсем обычно. Чаще „озорной” вносит дополнительный семантический нюанс игривости, шаловливости. Сошлемся на такой пример: „*Руслан и Людмила* — плод озорной и чуточку иронической фантазии молодого гения” („Литературная газета” 1971). Этот дополнительный оттенок смысла делает возможным сочетание „озорного” со словами типа „непристойность”, „эротика”; ср. „озорные непристойности Вийона и Рабле” (сб. „Мастерство перевода”, 1970).

В употреблении, свойственном последним десятилетиям, „озорной” называется качество, оцениваемое положительно. Оно используется в случаях, когда речь идет о детях, подростках и молодых, проказливо-веселых людях: „На маленькой фотографии — Бронка, озаренная, озорная” (И. Ирошникова, *Здравствуйте, пани Катерина!*), „озорной мальчишка, выдумщик и затейник” (К. Ковальджи, *Лиманские истории*), „озорной деревянный мальчишка” (о Буратино, „Литературная газета” 1971), „златокудрая, озорная Габи” (о фигуристке Зайферт, „Известия” 1970) и много подобных приведенным. Это слово часто употребляется для характеристики веселых или остроумно-ироничных шутников: „Ее (хореографической комедии „Куйручук”)

⁴ Ср. соответствующую словарную статью, где глагол толкуется следующим образом: „буянить, буйствовать, самоуправничать, нагло самовольничать; придирается и драться; || накостить, прокудить или вредить из шалости”. Существительные имеют аналогичные значения: „дела, поступки озорника, -ницы, наглеца и буяна, обидчика, драчуна”, а прилагательные „озорной, озорный, озорнический” — „к сим поступкам относящиеся”.

главного героя — находчивого, *озорного* и справедливого — называют киргизским Насреддином” (Н. Эльяш, *Образы танца*), „самые веселые и *озорные* сказочники” („Неделя” 1970), Шельменко-денщик „обладает сметкой, незаурядным умом, хитростью, *озорной* и веселый” („Горьковский рабочий” 1971), „запомнился он [Валентин Овечкин] *озорным* в разговоре, с едким словом, заостренным против бюрократов и дураков” („Неделя” 1971).

Значительно реже озорство выступает как отрицательное качество. Именно таково семантико-эмоциональное свойство „озорного” в контекстах типа: „от ребят *озорных*, драчливых старались держаться подальше” („Горьковский рабочий” 1971), „парень не *озорной*, не хулиганит” („Известия” 1971), „мальчишка совсем не *озорной*, он просто человек с фантазией” („Неделя” 1971). Но в подобных случаях слово имеет слабую эмоциональную окраску, оно почти нейтрально.

Итак, наиболее употребительное значение слова „озорной” обуславливает его эмоциональную окраску, и потому в современном языке „озорной” чаще выступает как положительно характеризующее. Усиление эмоциональной окраски ощутимо в случаях, когда слово используется при описании молодежи, особенно часто кокетливых девушек. При подобном употреблении происходит частичная десемантизация слова, и оно сводится к условному эмоциональному знаку, иначе говоря — литературному штампу, например: „Я шагаю по планете, молодой и *озорной*” (В. Колумб). В таких случаях озорными бывают не только люди, их глаза и улыбки, но и явления природы: „По изогнутым веткам сада *озорная* спешит прохлада” (пер. с азерб. В. Константинова). Пародисты давно обратили внимание на этот штамп и охотно используют его.

Однако словарь Даля свидетельствует о том, что в XIX веке слово „озорной” выступало в ином значении, было синонимично словам „буйный”, „наглый” и, называя отрицательные черты, было пейоративным. Об этом же говорят материалы Картотеки АН СССР и наблюдения за языком литературы. Показательно, что современные писатели используют это значение слова как элемент исторической стилизации: „*озорной* народ разъезжает по всей площади, а драки меж себя чинит даже на папертях соборов” (Ю. Чапыгин, Разин Степан. К), „*озорной* ты стал, Илья, непокладистый, обидел ты князя Владимира, покинул заставушку без позволения” (П. Павленко, Илья Муромец. К). При этом тот же писатель в произведении о современной жизни употребляет „озорной” в ином значении и с иной эмоциональной окраской. Так, у П. Павленко мы находим: „девчата замахали руками, прокричали что-то веселое, *озорное*” (Это было на Кубани. К), „от стана к стану идет *озорная*, веселая песня” (Хозяйка, К).

Таким образом, на протяжении XIX - XX вв. в значении и эмоциональной характеристике слова происходит изменение. В XIX - начале XX в. преобладает значение ‘склонный к бесчинству, буйный’ с пейоративной оценкой.

Мы находим его в языке Пушкина, Григоровича, Мельникова-Печерского, Добролюбова, А. Островского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Короленко, Ключевского, Кони, Г. Успенского, Лескова, Чехова, Боборыкина, Сергеева-Ценского, Есенина, Горького, Серафимовича, Федина. С середины 30-х годов XIX века усиливается значение ‘склонный к шалостям, проказам’ — его мы находим в произведениях Горбатова, Гайдара, Павленко, Новикова, Катаева, Бека, Первенцева, Шолохова, Шишкова, Саянова, Бабаевского, Н. Островского, Тынянова, Прокофьева, Мусатова, Чуковского и многих других. Новое значение оказывается очень употребительным в 30 - 50 годы, оно постепенно выдвигается на передний план, становясь господствующим, а старое значение в 50 - 60 годы окончательно оттесняется на задний план. Весьма показательное следующее рассуждение журналиста в рубрике „Колонка редактора” („Неделя” 1971): „Его по старой народной традиции именуют иногда *озорством*. Иногда хулиганством. — Статистика, как известно, знает все. Интересно, знает ли она, какой ущерб регулярно приносит народному достоянию вандализм, благодушно именуемый озорством”. Речь идет об употреблении существительного „озорство”, но семантически оно очень близко прилагательному, и потому мы приводим этот пример современного осмысления слова как „благодушного” синонима хулиганству. Напомним, что в Словаре Даля это слово толкуется так: „дела, поступки озорника, озорницы, наглеца и буяна, обидчика, драчуна”. Журналист уловил различия в употреблении слова и даже связал его со „старой народной традицией”. Но он не заметил, что разница не в оценке явления, а в особом значении слова.

Судя по фактам, которыми мы располагаем, новое значение актуализируется с середины 30-х годов. СУ в приводимых им речениях и иллюстрациях отдает ему предпочтение, а в словарной статье „озорство” выделяет особое значение⁵ и делает его первым. Но в толковании прилагательного „озорной” Словарь недостаточно дифференцирует его семантику. Можно предположить, что в те годы явление оформилось не до конца. И только в 50-е годы, когда оно становится очень употребительным, а в Картотеке АН СССР появляется большое число примеров-иллюстраций его использования в языке, МАС получает возможность четко их разделить. Что же касается БАС, то установка на описание фактов с начала XIX века, необходимость в равной мере учитывать и описывать разновременные явления не позволила ему провести в данном случае четкой семантической дифференциации. Отмеченный в начале статьи разницей в показаниях толковых словарей отражает объективно существующее явление: в 30-е годы XIX века появляется и укрепляется особое значение слова „озорной”, благодаря которому оно становится синонимичным словам „проказливый”, „шаловливый”, „лукавый” и даже „кокетливый”.

Выше говорилось и о разнице в стилистической квалификации данного

⁵ „Поведение шалуна, баловство, капризы (преимущ. о детях, неодобрит.)”.

слова. Почему БАС вовсе не оговаривает его стилистической ограниченности, СУ считает разговорным, а МАС относит выделяемые им два значения к разным стилистическим пластам — разговорному и просторечному? Для ответа на этот вопрос обратимся к фактам, многие из которых уже приводились и анализировались. Мы говорили выше, что в XIX и начале XX века преобладало пейоративно оценивающее значение, в котором основу составляли такие семантические элементы, как склонность к буйству, дракам, наглость, стремление „пакостить, прокудить, вредить”, непристойное поведение. Вместе с тем слово не было принадлежностью одной какой-либо социальной группы. Оно употреблялось в речи персонажей из низов, людей малообразованных. Такова героиня Григоровича, отзывающаяся о своей дочери: „И не то, чтобы была она у меня пропастная какая, либо *озорная*, оборони бог” (Мать и дочь. К). В стилизованной под народную речь песне Ахматовой мы читаем: „Я с тобой не стану пить вино, Оттого что ты мальчишка *озорной*. Знаю я — у вас заведено С кем попало целоваться под луной” (Четки). Но это же слово в том же значении употребляется в непосредственно авторском тексте. Мы находим его у Есенина („Я прощаюсь с хулиганством. Пора расстаться с *озорной* и непокорною отвагой”, К), в „Судебных речах” Кони („Емельянов, человек своенравный и будучи больно *озорным*, с другими молодками при банях жил не в ладу”. К) и даже в „Уголовном кодексе РСФСР”. Правда, некоторая доля „простонародности” ощущается во многих случаях, но она не обязательна. Поэтому, видимо, БАС и дает слово без стилистических помет. К концу 50-х годов стилистическая ограниченность старого значения, его принадлежность внелитературному просторечию стала очевидной. Поэтому помета МАС „просторечное” точно отражает существо дела.

Значение, ставшее господствующим в наше время (‘склонный к шалостям, баловству’ — по формулировке МАС), в языке XIX века почти не употреблялось. Его подобие можно уловить в формулировке Даля ‘пакостить, прокудить, портить или вредить из шалости’ (выделено нами — Ю.Я.). Оно описано в некоторых диалектных словарях, где ограничивающая территорию распространения помета и дифференциальный принцип отбора материала дают основание считать факт чуждым литературному языку. Значение ‘склонный к проказам, шалостям’ или ‘шаловливый, баловливый, проказливый’ сопровождается пометами „тверское”, „псковское”, „смоленское”⁶, а слово „озорник” в значении ‘мальчик, разрушающий, ломающий что-л. из шалости’ — пометой „сибирское” (Дополнение к „Опыту областного великорусского словаря”). „Словарь церковно-славянского и русского языка” 1847 года, последний из академических словарей, описавший это слово в XIX веке, определяет „озорной” („озорной”) как ‘забиячливый, наглый’.

Все это подтверждает наше предположение об относительной новизне

⁶ Опираемся на извлечения из областных словарей, имеющиеся в Картоотеке.

значения ‘шаловливый, проказливый’ для литературного языка⁷. Составители СУ чутко уловили и отразили его, и тем большего внимания заслуживают данные в нем стилистические пометы и иллюстрации. Судя по приведенным речениям, новое значение уже преобладало в речи, хотя и воспринималось как стилистически ограниченное — разговорное. В словарной статье „озорство” значение ‘поведение шалуна, баловство, капризы’ дано как стилистически нейтральное⁸ и сопровождается пометой „преимущ. о детях, неодобрит.” Помета „неодобрительно” показывает пограничное положение эпохи 30-х годов в истории слова: озорство, связанное по преимуществу с поведением детей, „смягчается” (детские проступки, естественно, менее осуждаемы), но еще сохраняется в нем элемент осуждения. В наше время этот элемент часто отсутствует, об этом говорят факты, которыми мы располагаем, и языковое сознание говорящих⁹. Освободившись от неодобрительной оценки, слово стало употребительным в искусствоведческой и критической литературе, а в значении, близком к ‘игриво-кокетливый, шаловливый’, оно проникает также в беллетристику и публицистику. В этих случаях слово приобретает новую, одобрительную, эмоциональную окраску. И перестает быть разговорным. Более того, в разговорной речи названное значение не зафиксировано.

Так намечается еще одна линия расщепления. Мы не имеем достаточных доказательств, чтобы говорить с полной уверенностью, но есть основания предположить, что утрата стилистической окраски разговорности происходила в конце 50-х — начале 60-х годов. В значении ‘склонный к буйству, бесчинству’ слово „озорной” во второй половине XX века выходит за пределы литературной нормы, становясь по существу фактом просторечия. Социально-стилистическую расщепленность слова уловили и отразили современные писатели. В сборнике „Живое дерево искусства” (Москва 1970) Е. Дорош прибегает к „старому”, а точнее — просторечному значению при описании тракториста Тимофея (героя повести В. Тендрякова „Чудотворная” и поставленного по ней спектакля) — человека, „удручающе неразвитого душевно”, „развлекающего себя унылым озорством”. В новом значении слово служит характеристике искусства художников и артистов. Например: „Старинные русские мастера, да и современные — —, потому вспоминаются мне, когда я люблюсь яркими, живо и точно сработанными картинками Мавриной, что художница, по-моему, всей сутью своею этим мастерам родная сестра. У нее тот же, что и у них,

⁷ Об относительной новизне этого значения косвенно свидетельствует и такое замечание писателя В. Некрасова в его воспоминаниях о К. Чуковском: „Запомнились, конечно, нос, веселый рот и еще более веселые, как любят у нас теперь говорить, озорные глаза”. (В. Некрасов, *В жизни и в письмах*).

⁸ Неполный семантический и стилистический параллелизм слов данного гнезда здесь не описывается, он послужит материалом другой статьи.

⁹ Студенты педагогического вуза приводят такую шкалу оценок: применительно к детям слово „озорной” не содержит осуждения, применительно к подросткам становится неодобрительным.

светлый и *озорной*, уверенный в себе и живущий в ладу с жизнью легкий, веселый талант”.

В заключение сделаем основные выводы из сказанного.

1. Слово „озорной” (как и другие однокоренные слова) в советскую эпоху оказалось очень подвижным. Его семантико-стилистическая эволюция началась в 30-е годы и продолжается до настоящего времени.

2. Семантическая и стилистическая характеристика слова в толковых словарях советской эпохи в основном верна, а обнаруживаемые при сопоставлении разногласия — одно из свидетельств эволюции слова.

THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE WORD 'ОЗОРНОЙ' IN CONTEMPORARY LITERARY RUSSIAN

by

YULIA YAZIKOVA

Summary

The author of the article traces the history of the word 'озорной' in literary Russian comprising the nineteenth and the twentieth centuries. The facts mentioned in the article allow us to conclude that in the period of time following the year 1917 certain semantic and stylistic changes of the word under discussion occur. The nineteenth century meaning of this word, namely 'easy to brawl or inclined to commit an act of infamy' entered the everyday language. Then it changed its meaning into 'to play pranks or to poke fun'. In 1950's and 1960's the word 'озорной' attains the meaning 'frolic or rompish or wanton'.

The semantic processes which the word 'озорной' undergoes are accompanied by some stylistic and emotional changes. The basic changes in the semantics of the word have been mentioned in the dictionaries of the Russian language.